

Черный И. В.

Харьковский национальный университет внутренних дел

ГОРОД-ТАЙНА-ЛЮБОВЬ КАК ОСНОВА ПОЭТИКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТЕКТИВОВ КШИШТОФА БОХУСА

Статтю присвячено творчості сучасного польського письменника Кшиштофа Бохуса. Розглянуто проблему генезису, жанрової специфіки історичного детективу у світовій літературі, дискусійні питання, пов'язані з його внутрішньожанровою типологією. Показано стан наукового освоєння жанру вітчизняним і зарубіжним літературознавством, а також місце ретрокриміналів у новітній польській літературі. Досліджено художні особливості циклу історичних детективів К. Бохуса про радника Крістіана Абелла, дія яких відбувається в Східному Помор'ї в 30–40-х роках XX століття. Основну увагу приділено особливостям відтворення письменником місцевого колориту й реконструкції характерів людей минулих епох. Проаналізовано компоненти Місто-Тасмунія-Любов як основу поетики романів Бохуса. Твори письменника розглянуто в контексті аналогічних творів інших польських авторів (Марека Краєвського, Ришарда Цвірля), що дало змогу визначити їхню своєрідність. Кшиштоф Бохус у своїх творах, що належать до циклу про радника Крістіана Абелла, спробував поєднати захопливу фабулу з елементами містики, нуару і любовно-сентиментального роману з етнографічними та краєзнавчими нарисами, розрахованими на інтелектуалів, які цікавляться новітньою історією Східного Помор'я. У відтворенні місцевого колориту Бохус використовує перш за все архітектурний, мальовничий і букіністичний екфразис, а також топоекфразис. Місто (Гданськ та його околиці) стає повноправним персонажем творів. Відмінною рисою історичних детективів письменника є те, що поряд із вигаданими героями, психологічно відповідними зображуваній епосі, на сторінках книг Бохуса виведено й реальних діячів історії (Геринга, Гітлера, гаулейтера Альберта Форстера), що надає розповіді більшої достовірності.

Ключові слова: роман, ретродетектив, місцевий колорит, екфразис, топоекфразис, сюжет, образ.

Постановка проблеми. Исторический роман, сформировавшийся как жанр в начале XIX века в творчестве Вальтера Скотта, поначалу воспринимался как нечто застывшее, консервативное. Этому в немалой степени способствовали эпигоны шотландского писателя, слепо повторявшие выработанные им приемы. Говоря в 1852 г. о судьбах этого жанра в русской литературе, И. С. Тургенев отмечал: «Исторический, вальтерскоттовский роман, – это пространное, солидное здание, со своим незыблемым фундаментом, врытым в почву народную, с своими обширными вступлениями в виде портиков, со своими парадными комнатами и темными коридорами для удобства сообщения, – этот роман в наше время почти невозможен: он отжил свой век, он несовременен...» [6, с. 124].

Между тем исторический роман отнюдь не прекратил свое бытие, благополучно просуществовав до наших дней, как в русской литературе, так и в литературах других народов мира. Причем

не только в своей классической форме, созданной Вальтером Скоттом. Уже со второй четверти XIX века писатели, работавшие на этом поприще, искали новые пути для развития жанра. В немалой степени этому способствовала не одна лишь высокая литература, но и литература массовая, развлекательная. В той же цитированной выше рецензии на одно из произведений третьего ряда, роман Е. Тур «Племянница», И. С. Тургенев признавал, что «романы «a la Dumas», с количеством томов ad libitum, у нас существуют, точно; но читатель нам позволит перейти их молчанием. Они, пожалуй, факт, но не все факты что-нибудь значат» [6, с. 124]. Без преувеличений можно сказать, что авантюрно-приключенческая ветвь исторического романа, созданная А. Дюма, пользуется в настоящее время гораздо большей популярностью, чем направление вальтерскоттовское. Особенно такие её разновидности, как любовно-сентиментальная историческая проза, историческая фантастика и исторический детектив.

Анализ последних исследований и публикаций. Исторический или ретродетектив возник в мировой литературе относительно недавно, во второй трети XX в. Первые его образцы представлены сочинениями Агаты Кристи, Роберта ван Гулика, Джона Диксона Карра и др. [8, с. 23–39]. Но подлинный расцвет исторической детективной прозы припадает на 90-е годы XX в., когда произведения, написанные в этом ключе, появляются во многих литературах мира, в том числе и в литературах славянских народов: украинской, русской, польской и т.п. Академическая наука, до недавнего времени весьма неохотно обращавшаяся к опыту развлекательной, популярной литературы, постепенно приходит к осознанию того, что этот пласт изящной словесности также нуждается в изучении в силу роста его влияния на общественное сознание. Среди отечественных ученых, занимающихся исследованием историко-детективной прозы, следует назвать Я. Бригадир, Н. Валуеву, О. Рыжченко, с. Филоненко, В. Черную и др. Однако их работы преимущественно посвящены украинскому и русскому ретродетективу. То же явление в польской литературе практически не рассматривается. Причем как украинскими литературоведами, так и их польскими коллегами. Имеется незначительное количество статей, посвященных творчеству ведущего представителя польского «ретрокриминала» Марека Краевского (А. Байды, В. Брилли, К. Вайды, Б. Везговец, Ю. Ганошенко, М. Домагальской, с. Филоненко, И. Цихоцкого, М. Яскота). В то же время историко-детективный жанр в современной польской литературе представлен целой плеядой имен, среди которых наиболее известны Кшиштоф Бохус, Марцин Вронский, Гжегож Калиновский, Рышард Цвирлей.

Постановка задачи. В нашей работе мы сосредоточимся на творчестве Кшиштофа Бохуса, предприняв попытку очертить художественное своеобразие исторических детективов писателя. Изучение их поможет нам получить представление как о работах этого самобытного автора, так и расширить взгляды на современный польский ретродетектив в целом.

Изложение основного материала. Устоявшихся представлений о специфике историко-детективного жанра в литературоведении пока нет. Общепринятым является то, что он родился на стыке жанров классических исторического и детективного романов, соединив воспроизведение местного колорита и воссоздание характеров людей минувших эпох с элементами расследова-

ния разнообразных криминальных загадок. Если для англоязычной литературы установленным стал термин «historical mystery», а в польской традиции этот пласт литературы получил название «kryminal retro» или реже «retrokryminal», то в современном украинском и русском литературоведении ведется дискуссия по вопросу об использовании терминов «исторический детектив» и «ретродетектив». Выделяются различные критерии разделения жанра на эти две группы: сенсационность, коммерческий характер, историзм и т.п. [1; 2; 5]. Представляется справедливой точка зрения с. Филоненко, полагающей, что «проблема различения двух жанров: «исторического» и «ретро» – есть казуистической и высосанной из пальца. У зарубежных критиков для них одна общая полочка – «historical mystery». Если и ведутся дебаты, то разве что о временном расстоянии событий, что позволяет считать произведение историческим: 25, 35 или 50 лет со времени написания. Думаю, исторический детектив целесообразно рассматривать как жанровую разновидность детективной прозы, а ретро – как его возможный стиль (которым он и является, по сути), густо замешанный на ностальгии по прошлому, как правило, недалекому – на расстоянии живой памяти поколения» [7]. Для удобства мы будем пользоваться польским термином «kryminal retro».

В польской литературе XX века, несмотря на мнение некоторых исследователей [9, с. 4], сложилась довольно богатая традиция детективного жанра, представленная творчеством таких авторов, как А. Насельский, А. Марчиньский, Л. Зайончковская-Мицнер, Е. Корыцкий, З. Зейдлер-Зборовский, И. Хмелевская и др. До 90-х годов XX в. это был, как правило, так называемый «милицийский роман». Начиная с 90-х годов «польские авторы так же, как и их зарубежные коллеги, быстро оценили огромный жанровый потенциал детективного романа и начали обогащать свои тексты элементами романа социального, психологического или исторического» [9, с. 4]. Собственно «kryminal retro» появился лишь на рубеже XX–XXI веков, быстро завоевав признание читательской аудитории и критики. Он весьма неоднороден как по форме, так и по содержанию. Есть произведения, явно выбивающиеся из рамок коммерческой, развлекательной литературы и принадлежащие к т.н. «миддл-литературе». Это, главным образом, психологические триллеры Марека Краевского, тяготеющие к постмодернизму с его итертекстуальностью, интермедальностью, литературной игрой с читателем и пр.

Есть сочинения, написанные с неприкрытой иронией, отчасти разрушающей драматизм коллизий, связанных с расследованием убийств и насилия (романы Рышарда Цвирля).

Кшиштоф Бохус, которого критика порой называет «польским Акуниным» [3], пришел в литературу сравнительно недавно, в середине 10-х годов XXI века, до этого попробовав себя на поприще журналиста, политолога и университетского преподавателя. Отвечая на вопрос о причинах, побудивших его заняться литературным творчеством, он признается: «Я написал сотни текстов, руководил редакцией, преподавал в высшей школе – и у меня никогда не было времени, чтобы написать приличную, настоящую книгу раньше. Это был тот комплекс, который у меня был в бездне души. Наконец, мне пришлось среагировать на этот комплекс» [17, с. 25]. Выбор же именно криминала ретро для Бохуса «был очевиден. Я всегда интересовался историей. Я являюсь соавтором нескольких коллективных работ по этому профилю. Я решил начать с того, что я знаю и что я чувствую лучше всего» [17, с. 25]. К настоящему времени Кшиштоф Бохус написал четыре романа в жанре «*kryminal retro*», объединенных главным героем – советником Кристианом Абеллом: «*Czarny manuskrypt*»/«Черный манускрипт» (2017), «*Martwy błękit*»/«Мертвая синева» (2018), «*Szkarłatna głębia*»/«Алая бездна» (2018) и «*Miasto Duchów*»/«Город призраков» (2019). Действие всех произведений разворачивается в 30–40-х годах XX века в Восточной Пруссии, в Данциге.

Взгляды писателя на сущность того, чем он занимается, близки к пониманию исторического жанра, сформулированному еще Вальтером Скоттом. Основоположник исторического романа считал краеугольными камнями произведения о прошлом точное воспроизведение местного колорита и соответствие изображаемых характеров избранной исторической эпохе. То же постулирует и Кшиштоф Бохус. Так, говоря об особенностях исторического нравоописания в своих романах, он буквально повторяет тезис Вальтера Скотта о неизменности человеческой натуры со сменяемостью исторических эпох: «У меня было стремление написать не только хорошую, захватывающую детективную историю, но и историю о неизменности человеческой натуры. О том, что, несмотря на мучительные уроки истории, мы ничему не учимся. Мы делаем те же ошибки. Мы постоянно доверяем себя людям, которые этого не стоят, мы подчиняемся идеологиям, которые якобы являются единственно правильными. Исторические

костюмы меняются, а мы постоянно подчиняемся одним и тем же желаниям: власти, доминированию или простой жадности» [17, с. 25]. Свое писательское кредо Бохус формулирует следующим образом: «Для себя я называю свои книги криминальными романами для ценителей. Я создаю их для людей, которые чем-то похожи на меня: которые ищут в криминальной литературе не только интригу и действие, но также и «добавленную стоимость», которая, полагая, заключается для моих читателей в темах, связанных с загадками истории, историей Вольного города Гданьска, искусством, каббалой или меннонитами. Я мечтаю, чтобы они «смаковали» мои книги и те оставались в их памяти как можно дольше» [10, с. 25].

Если говорить об общих для всех *kryminal retro* романов Бохуса чертах, то все эти произведения построены по одному и тому же шаблону. Действие каждого из них происходит в предвоенном Данциге/Гданьске либо в его окрестностях. Исключение составляет роман «*Miasto Duchów*»/«Город призраков», где события разворачиваются во время войны, в конце 1944 года. Но этот роман изначально не планировался к написанию и стоит в цикле об Абелле немного обособленно. Сам писатель признавался, что написал «Город призраков» исключительно по просьбе читателей, не желавших расставаться с любимым героем, и настоянию издателя [18]. Об этом свидетельствует уже наименование произведения. Если в каждом из названий трилогии присутствует указание на какой-либо цвет (черный, синий, алый), то в четвертой части цикла такого маркера нет.

Следующим обязательным компонентом цикла об Абелле является наличие в произведениях загадочного криминального элемента, как правило, убийства. Вернее, цепи убийств, поскольку в каждом из романов главный герой расследует одновременно несколько злодеяний, определенным образом связанных между собой: или это серийный убийца, либо преступления совершаются для некой определенной цели и т.п. Еще одна составляющая – это присутствие в романах некоего закрытого/тайного сообщества, так или иначе связанного с расследуемым криминалом. Так, в «Черном манускрипте» показан некий полулегальный рыцарский орден, заботящийся о репутации одного из своих основателей, в «Мертвой синеве» идет речь о нескольких группировках среди еврейской части населения Данцига – каббалистах и сионистах, в «Алой бездне» описано консервативное сообщество меннонитов,

а в «Городе призраков» – тайная масонская ложа. Наконец, важным элементом романов об Абелле становится присутствие в них Прекрасной Дамы. Любовная история не играет в *kryminal retro* Бохуса доминирующей роли, служа обычно либо для углубления психологической характеристики главного героя, либо (как в «Городе призраков») для частичной разгадки криминала.

Изображение Города, как полноправного персонажа произведений, тесно связано у Бохуса с проблемой воссоздания местного колорита. Данциг/Гданьск и его окрестности – это не просто декорации, в которых происходят остродраматические события романов об Абелле. Они живут своей жизнью, словно гигантские организмы, которым почти нет дела до людей. Писатель, родившийся в этих местах, признается в любви к польскому Поморью: «Я живу в Варшаве много лет, но все каникулы и свободное время провожу у моря. Я придумал криминальную сагу, декорации которой – места, которые мне особенно близки, интересны и малоизвестны в криминальной литературе. У меня было стремление «увечить» эти необычные места.словно из торта, я выбрал для себя самые интересные вишенки» [17, с. 25]. Начав в «Черном манускрипте» с родного Квидзына, с его великолепным собором, романист там же описал рыцарский замок и часовню св. Анны в замке Мальборк, где покоятся великие магистры Тевтонского ордена. В «Мертвой синеве» герой Бохуса вернулся в Вольный город Гданьск и проводит следственные действия в близлежащем курортном Сопоте. В «Алой бездне» Абелл ведет расследования в Эльблонге, расположенном на Вислинской/Балтийской косе, а также в Фромборке. Наконец, в «Городе призраков» события вновь происходят в Гданьске. Примечательно, что Бохус в топонимике использует польские варианты географических названий (Гданьск, а не Данциг, Сопот, а не Цоппот, Мальборк, а не Мариенбург и т.п.), хотя действие романов происходит в то время, когда Восточное Поморье было немецким и главный герой цикла тоже немец с голландскими корнями, а не поляк. Подобный заведомый анахронизм автор объясняет тем, что писал для польской аудитории и не хотел запутывать читателя.

Коллеги Бохуса по жанру по-разному подходят к историческому бытописанию, выбирая какие-то определенные его аспекты и сосредотачиваясь преимущественно на них. Так, Марек Краевский большую часть исторических описаний посвящает старинным книгам, рассказывая

о том, где и кем она была издана (или написана в случае рукописной копии), сообщает об особенностях бумаги, иллюстраций, шрифта, заметках на полях, переплете, книгах того же ряда и пр. Также он использует живописный экфрасис, рассказывая о картинах, украшающих интерьер дома, учреждения, ресторана. Немало места уделено в его *kryminal retro* и описанию яств, поскольку главные герои его двух циклов Мокк и Попельский большие любители поесть и выпить. Тот же прием использует и Рышард Цвирлей в цикле об Антонии Фишере, больше, однако, уделяя внимания ценам на то или иное блюдо или спиртной напиток, чем ингредиентам блюд или их вкусу. Это отчасти объясняется тем, что в описываемое им время в Польше как раз проходила денежная реформа с переходом с польской марки на злотый и изменением масштаба цен. Цвирлея больше интересуют мелочи, бытовые подробности, чем масштабные картины архитектурных сооружений. Он рассказывает об особенностях ткани, из которой шились мундиры, костюмы или платья, о качестве кожи, употреблявшейся для изготовления обуви.

Сам Кшиштоф Бохус предпочитает архитектурный экфрасис, описания памятников зодчества, «музыки, застывшей в камне». Как правило, то или иное сооружение мы видим глазами главного героя, Кристиана Абелла, человека достаточно образованного и сведущего в делах архитектуры и искусства. Сначала сообщаются подробности исторического характера: время создания памятника, имя архитектора/архитекторов, особенности эпохи, когда возводилось сооружение. Затем уже говорится о стилевых чертах, тонкостях отделки. Обычно герой делает обобщения философского характера, проводя параллели между веком минувшим и настоящим временем: «Квидзынский собор все еще был в сумерках. Первые лучи солнца пробивались сквозь витражи, робко пробуждая утопающие в темноте фигуры, резные эпитафии, исповедальни и очертания епископских тронов, выстроившихся вдоль стен. Неф длиной в несколько десятков метров вёл к алтарю. На барочном триптихе было изображено распятие. Ноздри Абелла тут же уловили дремлющий, но закодированный запах, который связал его с прошлым и этим местом: дух старых стен, гниющей бумаги, пыли и мышиного помета» [11, с. 13]. Таким образом, описания местного колорита становятся не просто элементом исторического повествования, но и служат более полному раскрытию образа главного героя. Можно утверждать,

что писатель здесь использует прием топокфрасиса, суть которого, по определению О. Клинга, состоит в том, что описание места действия в литературном произведении несет «особую эстетическую нагрузку». Топокфрасис «сохраняет связь с топографическими прототипами», используя законы «преображенной действительности», «второй реальности», «трансформируется и деформируется как авторским видением (реальным автором)», так и «образом автора», «кругозором героя» [4, с. 97].

Как и его коллега Марек Краевский, Бохус, филолог по образованию, часто изображает книжные раритеты, преимущественно манускрипты: «Абель присмотрелся к этим книгам: редкое издание «Хроник прусских магистров» Мартина Муриniusа лежало рядом с «Жизнью героического рыцаря фон Зальца», изданным в Кенигсберге в 1721 году издательством Loeffel. Вероятно, белой вороной было здесь «Житие блаженной Дороты из Мотовы» 1698 года, переплетенное в медовую кожу. Преподобный Платцек также почитал на сон грядущий сборник «Фантакус» Арно Хольца. Взгляд советника остановился на подчеркнутом стихе: «Ich bin mein eigener Dalai-Lama, Ich bin mein eigener Jesus Christ!»» [11, с. 18]. Также в его текстах встречается живописный экфрасис – описания произведений живописи и предметов антиквариата. Порой созерцание памятника, произведения искусства или книги вызывает у Абелла цепь ассоциаций, наталкивая его на мысль, служащую ключом к разгадке криминальной тайны. Такое происходит в «Черном манускрипте», когда советник изучает книгу «Жизнь героического рыцаря фон Зальца», где на полях рукой жертвы были сделаны опасные для тайного ордена записи компрометирующего характера; в «Мертвой синеве» при разглядывании картины мастера итальянского Возрождения Доссо Досси «Юпитер, Меркурий и Добродетель», где видит указание на место, где была спрятана коллекция картин убитого Саула Роттенберга; в «Городе призраков», где часы работы мастера Дюрингера в гданьском соборе св. Марии подсказывают Абеллу разгадку таинственных убийств высокопоставленных морских офицеров.

Объясняя суть своих детективных историй, Бохус утверждает: «В каждом детективе должно быть преступление и следователь, загадка и решение. Читателю нравится бояться, разгадывать криминальные шарады, следовать рассуждениям сыщика, ведущего расследование. Он подбирает ложные сведения и ожидает неожиданного конца.

Но в то же время обе стороны осознают, что в этой области написано почти все. Все уже было там. Вы должны знать, что количество видов преступлений, орудий убийства или мотивов, управляющих преступниками, не безгранично. Поэтому писателям, желающим хоть как-то выделиться на фоне конкурентов, непросто» [17, с. 24]. Романисту удалось найти свой подход к организации детективного сюжета. Таинственное, точнее, тайна на грани мистики становится ключевым началом в криминальных загадках, которые приходится разгадывать советнику Кристиану Абеллу. В этом романы *kryminal retro* Бохуса близки к произведениям высоко ценимого польским писателем испанца Артуро Переса-Реверте (прежде всего, «Фламандской доске») и отчасти к «Коду да Винчи» Дэна Брауна, послужившему источником вдохновения для многих авторов, пишущих о загадках прошлого. Элементы мистики присутствуют и в сочинениях Марека Краевского, однако у него мистическое, таинственное отталкивается от психоделики, патологической психики. Маньяки-убийцы оказываются интеллектуалами, инсталлирующими свои преступления под какую-то загадку прошлого, которую Попельскому или Мокку предстоит разгадать. Преступления в книгах Кшиштофа Бохуса совершаются не в далеком прошлом, а здесь и сейчас, в реальном времени и конкретном месте. И имеют отношение к Тайне лишь потому, что злодеяния творят представители тайных или полулегальных сообществ. Проникая глубже в среду националистического рыцарского ордена, меннонитов, кабалистов либо масонов, Абелл постепенно снимает с них покровы тайны, мистическую шелуху, находя вполне рационалистическое объяснение практически всех загадок.

В целом сюжеты *kryminal retro* Кшиштофа Бохуса созданы по линейному принципу. Начиная очередное расследование, Абелл выстраивает рабочую гипотезу и пытается доказать или опровергнуть имеющуюся у него данность. Скрупулезно собирая улики и изучая их, советник, обычно, настигает какого-либо подозреваемого, который почти всегда оказывается невиновным в основном преступлении или преступлениях, но при этом непременно связан с расследуемым криминалом косвенно (Сакел в «Черном манускрипте», Хаим Роттенберг в «Мертвой синеве», Ланг в «Городе призраков»). Лишь в самом финале произведения на героя снисходит озарение и все разрозненные улики и доказательства собираются в цельную картину, указывая на реального злодея.

По такой же схеме строятся и произведения Рышарда Цвирлея о Фишере. В *kryminal retro* Марека Краевского повествование не линейное, рваное. Нередко Краевский начинает произведение с событий, происходящих в настоящем или отстающих от времени основного сюжета на какой-то хронологический отрезок. По ходу повествования сюжет может дополняться всевозможными ответвлениями, параллельными сюжетными линиями, что отчасти усложняет восприятие текстов Краевского неподготовленным/недостаточно образованным читателем. Повторяющимся из романа в роман приемом становится у Бохуса похищение злодеями главного героя и заточение его в какой-либо опасной ловушке, из которой Абелл выбирается с большим трудом (подземная река, песчаный карьер, заброшенный подвал).

Любовно-сентиментальная линия присутствует в каждом из четырех романов цикла об Абелле. Почти не играя заметной роли в развитии криминального сюжета (за исключением «Города призраков»), она в большей степени служит для раскрытия характера главного героя, его трансформации, что отмечает сам автор: «Я описываю 1930-е годы, это не было временем особого сексуального воздержания, как раз наоборот. <...> Я старался максимально правдиво отразить историческую и моральную реальность того времени – поэтому эротизм нельзя было пренебречь. К тому же отношения с женщинами важны не только для фабулы романа. Эти отношения и чувства заново формируют моего героя. Чем больше тьмы – в прямом и переносном смысле – вокруг него, тем больше света у него в личной жизни» [17, с. 24]. Любовь в определенной мере становится катализатором для Абелла, проверкой его на человечность.

Травмированный недавним болезненным разводом с женщиной, которую он искренне любил, Кристиан боится повторения ошибки. Поэтому он ищет свою Женщину, которая могла бы принять его таким, каков он есть, с его достоинствами и недостатками. Отношения с Габриэлкой, описанные в трех романах цикла, складываются непросто. Появление рядом с Абеллом очаровательной меннонитки Агнес Оксельроде («Алая бездна»), а затем роковой красавицы Евы Моргенштерн («Город призраков») – искушения, посланные герою для проверки его чувств к Габи. И если в первом случае он был готов пасть, то во втором сразу же отверг искушение. Агнес и Ева – это ангел и демон. Тяга Кристиана и Агнес друг к другу взаимна, но греховна, поскольку Абелл не свободен.

Это понимает девушка, со временем это постигает и, скрепя сердце, принимает и герой. «Агнес чувствовала тепло его тонких раненых ладоней. Она знала, что они тянутся к ней, но не могла их принять. Это было бы несправедливо по отношению к его женщине. А также к себе и Кристиану. Он хотел ее, и она чувствовала это каждым нервом своего тела. Он тоже был ей безразличен. Снился ей одинокими ночами, когда она лежала в холодной постели, убаюкиваемая грезами его тела. Однажды она уже потеряла контроль над собой. Не могла позволить этому повториться. Если не может иметь его исключительно для себя, навсегда, то должна изгнать из своего сердца. Отвергнуть мысли о нем как о греховных и неуместных. Так она была воспитана в смирительной рубашке меннонитской морали» [13, с. 221]. Восприятие Евы Абеллом однозначно настороженное. Он чувствует исходящий от девушки эротизм, призыв к легкому, ни к чему не обязывающему флирту, однако не принимает этого зова. История с Агнес научила советника многому. За минуту слабости порой приходится платить годами мук. Образ женщины-демона наряду с изображением мрачных, апокалиптических картин Города, находящегося на пороге катастрофы, а также городского дна: проституток, воров, убийц, наркоманов привносят в «Город призраков» элементы нуара, ставя этот роман несколько отдельно от предыдущих трех книг.

Советник Кристиан Абелл – несомненно, рефлексующий герой. «Я хотел, – поясняет писатель, – чтобы читатели полюбили моего героя, сочувствовали ему, понимали его слабые места. Абелл – не рыцарь без страха и упрека. Напротив, он невыразителен, очень обособлен в личном плане, иногда даже аутичен. Как и многие из нас. Поэтому с ним легче соотноситься. Но в то же время он хороший, проникательный и интеллигентный полицейский с широким кругозором. Это позволяет ему видеть вещи, которые невидимы для других, и упорно добираться до истины» [10, с. 51]. Выбор такой думающей, страдающей и остро переживающей действительность личности позволил Бохусу реализовать главный замысел цикла: показать одиночество, незащищенность индивидуума перед машиной истории. Абелл, чующий наступление тяжелых времен, связанных с торжеством фашизма, с тревогой замечает, что в нем происходит определенная трансформация. Он черствеет душой, становится способным на насилие, которому всегда противился, предоставляя всю «черную работу» верному помощнику

Кукулке. Поэтому герой совершает побег в Голландию, не понимая, что убежать от безжалостных жерновов истории невозможно.

Особенностью исторического нравоописания в *kryminal retro* Бохуса является редкое для произведений этого жанра в польской литературе присутствие на страницах книг наряду с вымышленными персонажами реальных исторических лиц. Мы встречаем здесь Германа Геринга и гаулейтера Альберта Форстера («Мертвая синева»), Адольфа Гитлера («Алая бездна»). Появление этих личностей эпизодично, их нельзя назвать полноправными персонажами романов, однако подобный прием привносит в текст элемент достоверности. «Конечно, – делает оговорку романист, – здесь нужна аккуратность, ошибиться или насмешить тут очень просто. <...> Прежде чем описать в «Алой бездне» сцену появления нового канцлера Гитлера, я внимательно изучил литературные источники, особенно мемуары друга Гитлера времен венских странствий, Августа Кубичека. <...> Так что такая аудиенция, как описанная в моей книге, могла произойти. Хочу добавить, что, описывая эту сцену, я даже воспроизвел внешний вид старой рейхсканцелярии, в которой в то время работал канцлер, до того, как Альберт Шпеер построил для него новую. Такова моя техника работы. Это отнимает много времени, но позволяет вести интеллектуальный диалог с более взыскательным читателем, который, я надеюсь, оценит вишенку на детективном торте» [10, с. 51].

Выводы и предложения. Таким образом, мы видим, что польский исторический детектив, появившийся на рубеже XX–XXI веков, неоднороден и представлен творчеством писателей, каждый из которых предлагает свое видение поэтики жанра. Кшиштоф Бохус в своих произведениях, относящихся к циклу о советнике Кристиане Абелле, попытался соединить увлекательную фабулу с элементами мистики и любовно-сентиментального романа с этнографическими и краеведческими зарисовками, рассчитанными на интеллектуалов, интересующихся новейшей историей Восточного/Гданьского Поморья. В воссоздании местного колорита Бохус использует, прежде всего, архитектурный, живописный и букинистический экфрасис, а также топоэкфрасис. Отличительной чертой исторических детективов писателя является то, что наряду с вымышленными героями, психологически соответствующими изображаемой эпохе, на страницах книг Бохуса выведены и реальные деятели истории, что придает повествованию большую достоверность. Предпринятое исследование, будучи первой литературоведческой работой, посвященной творчеству романиста, не могло охватить все проблемы, связанные с историческими детективами Бохуса. Практически каждый из обозначенных здесь аспектов их поэтики может стать предметом отдельного изыскания. Перспективным было бы провести параллели между творчеством Кшиштофа Бохуса и произведениями более широкого, нежели это сделано нами, круга его коллег по жанру.

Список литературы:

1. Бригадир Я. Інтерпретація історичних подій крізь призму інтриги в українському ретродетективі. *Літературознавчі студії*. 2017. Вип. 1(1). С. 99–110.
2. Валуева Н. Historical mystery : исторический детектив и/или ретро-детектив. *Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. : Літературознавство*. 2014. Вип. 2 (2). С. 27–36.
3. Гончаров В. «Детектив – замочная скважина...». Литературная газета. 08.03.2020. URL: <https://lgz.ru/neformat/detektiv-zamochnaya-skvazhina-/> (дата обращения: 03.07.2020).
4. Клинг О. Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина). Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. Москва : Издательство «МИК», 2002. С. 97–110.
5. Рыжченко О. Леонид Юзефович и Борис Акунин: исторический детектив или ретро-детектив. *Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. : Літературознавство*. 2010. Вип. 3.2. С. 133–139.
6. Тургенев И. «Племянница». Роман. Соч. Евгении Тур. Тургенев И. Собрание сочинений : в 12 томах. Москва : Художественная литература, 1975–1979. Т. 12 : Избранные литературно-критические статьи, речи, воспоминания (1843–1881). 1979. С. 124–140.
7. Філоненко с. Як найкращий сищик імперії пройшов крізь вогонь, воду і мідні труби. URL: <http://bukvoid.com.ua/print/?20351> (дата обращения: 05.08.2020).
8. Черная В., Черный И. Древний Египет в современном англо-американском ретродетективе. Москва : Мануфактура, 2008. 170 с.

9. Bajda A. Intelktualne walory powieści kryminalnych (na przykładzie twórczości Marka Krajewskiego). *Літературний процес : методологія, імена, тенденції*. 2015. № 6. С. 3–7.
10. Bielski R. Liczy się wrażenie artystyczne! Z Krzysztofem Bochusem o marzeniach, ludzkich maskach i potrzebie stylu w literaturze rozmawia Rafał Bielski. *Pocisk*. 2018. № 19/20. S. 48–51.
11. Bochus K. Czarny manuskrypt. Warszawa: Muza, 2017. 384 s.
12. Bochus K. Martwy błękit. Warszawa: Muza, 2017. 448 s.
13. Bochus K. Szkarłatna głębia. Warszawa: Muza, 2018. 416 s.
14. Bochus K. Miasto Duchów. Warszawa: Skarpa Warszawska, 2019. 334 s.
15. Fulek W. Zbrodnia trzęcie Wolnym Miastem. *Dziennik Bałtycki*. 02.09.2018. S. 21.
16. Matuszewska M. Tropem są nie tylko tajemnice Kabały. *Gazeta Wrocławska*, 04.10.2017. S. 10.
17. Wojciechowska R. Kostiumy się zmieniają, a my wciąż ulegamy tym samym żądom. *Dziennik Bałtycki*. 08.12.2017. S. 24–25.
18. Wojciechowska R. Krzysztof Bochus o najnowszej swojej książce «Miasto duchów»: Wracam do Gdańska na chwilę przed Apokalipsą [rozmowa]. *Dziennik Bałtycki*. 30.08.2019. S. 28–29.

Chorney I. V. THE CITY-SECRET-LOVE AS THE BASIS OF THE POETICS OF THE HISTORICAL DETECTIVES OF KRZYSZTOF BOCHUS

The article is devoted to the creative work of the contemporary Polish writer Krzysztof Bochus. The problems of genesis, genre specificity of the historical detective story in world literature, and debatable issues related to its intra-genre typology are considered. The state of scientific development of the genre by domestic and foreign literary criticism as well as the place of retro criminals in the latest Polish literature is shown. The artistic features of the historical detective cycle by K. Bochus about the councilor Christian Abell, the action of which takes place in Eastern Pomerania in the 30–40s of the XX century, are examined. The main attention is paid to the peculiarities of recreating the local color and the reconstruction of the characters of past eras people by the writer. The components City-Mystery-Love as the basis of the poetics of Bochus' works are analyzed. The writer's works are considered in the context of similar works by other Polish authors (Marek Krajewski, and Ryszard Schwirley), which made it possible to determine their originality. Krzysztof Bochus in his works, related to the cycle about the councilor Christian Abell, tried to combine a fascinating plot with the elements of mysticism, noir and a sentimental love novel with ethnographic and local history sketches intended for the intellectuals interested in the recent history of Eastern Pomerania. In the recreation of the local color, first of all, Bochus uses architectural, picturesque and rare book ekphrasis and topoekphrasis. The city (Gdansk and its surroundings) becomes a full-fledged character of the works. A distinctive feature of the writer's historical detective stories is that along with the invented heroes, psychologically corresponding to the era depicted, the real historical figures (Goering, Hitler, Gauleiter Albert Forster) are also represented on the pages of Bochus' books, which gives the narration more credibility.

Key words: novel, historical mystery, couleur locale, ekphrasis, topoekphrasis, plot, image.